

ЗАПИСКИ СНАЙПЕРА

Продолжение. Начало в №№ 145, 148, 149, 151, 152, 153, 154.

— Попали в крематорий, — с горькой усмешкой заметил Алеша Адров.

— Выход один, — предлагаю я, — бежать к своим короткими перебежками.

Нам машут касками из траншей бойцы: бежите, поддержим огнем из пулеметов.

— Я побегу первым, — напросился санинструктор. Спружинившись в прыжке, Геркушенко в нерешительности жметя к стене. Длинно застрочил пулемет.

— Эх, была не была, — наконец махнул он рукой и быстро побежал к траншеям, петляя, как заяц. Слева от него вспыхнуло два фонтанчика от пули. Геркушенко вскрикнул, на миг остановился, схватился за левую руку правой, но тотчас упал и свалился в траншею. Жив? Или убит?

«Риск есть риск, и на войне без риска не обойтись», — размышляю и тут же срываюсь с места, падаю и, как Геркушенко, вальком качусь в траншею. С бруствера валюсь на руки товарищей, на меня камнем падает Алеша Адров, затем Павел Хромов. Ощупываем себя. Не ранены ли? Вгорячах можно и не заметить.

— Живы, — облегченно вздыхает Павел Хромов.

— Мазилы, — торжествует Алеша Адров, — я бы на ихнем месте дырок вам понаделал. Какая добыча ушла. Ай, ай!

Слышим стонет Геркушенко. Его перевязывает рябоватый боец, взяв бинт из его же санитарной сумки. Мы удивились, когда увидели, что пуля попала точно в рубец его левой руки.

— Каты! Гады ползучие. Як вони в то место попали. Чи магнит який тут заложен...

Геркушенко еще долго ворчит, а мы смотрим как догорает крыша сарая и с грохотом обваливается.

— Избежали ада, — улыбается Адров.

В июне облюбовали позицию на северной стороне Демидовки. Рассветало. Просматриваю в окуляр передовую фашистов, вижу, к оврагу по тропинке спокойно, неторопливо вышагивает фриц. В руках держит по котелку. По этой тропинке немцы ходили только ночью. Днем боялись. Мы их быстро отучили от этого. И вдруг в моем прицеле здоровый немец. Идет с лейцей, как не на войне. Навожу на него перекрестье снайперского прицела. Целюсь в грудь. Жму на пусковой крючок. Фриц падает. Котелки катятся дальше по тропинке. По ней ходили только ночью! А это вдруг днем. Почему? Не иначе — новенький.

Значит перед нами заняла оборону новая часть, которая очевидно пришла на смену ночью. Надо об этом доложить командиру роты. Вспоминаю лейтенанта Штанова, который говорил, что снайпер не только сверхметкий стрелок, но и внимательный наблюдатель, и отличный разведчик. Докладываю о своих подозрениях. Мои опасения подтверждают снайперы Адров, Бажанов, Хромов. По нашим сигналам на передовую прибыли разведчики из разведроты-дивизии. Вскоре был взят «язык», который показал, что на наш участок обороны прибыла 17 гренадерская дивизия, которой командует гитлеровский приспешник генерал Ляш. Дивизия перебазировалась из Франции, и солдаты ее, ольяненные легкими победами в Европе, понаслышке знают о советско-германском фронте. Меры, принятые по данным снайперов и разведчиков, запоздали. Во второй половине июня после мощного артналета по передовой, которую занимали 1-й и 2-й батальоны 528 стрелкового полка, гренадеры перешли в атаку. Сбить наши роты с высоты, было очевидно главной задачей гренадеров. Высоту после жестокой рукопашной схватки пришлось сдать. Сейчас больно вспоминать, но многие из нас тогда были так подавлены, ошеломлены артогнем и неожиданной атакой фашистов, что долгое время не могли прийти в себя, сосредоточиться и организовать контратаку. Разрывом снаряда повредили «максим» Семы Марчукова, двоих из расчета ранило. Гренадеры с засученными рукавами ходили в полный рост по занятой высоте, добывая наших раненных. На каждый выстрел с нашей стороны фашисты открывали шквальный огонь из всех видов оружия. Мы залегли в невыгодной низине по берегу реки Миус в наспех отрытых лежащих окопах. Целей для снайперов было много, но и опасности быть самому убитым не меньше. На одну цель соблазнился, не задумываясь о последствиях. За кустиком вблизи полузаваленного взрывом окопа, фриц сел по тяжелой нужде.

Продолжение следует.

ЗАПИСКИ СНАЙПЕРА

Продолжение. Начало в №№ 145, 148, 149, 151, 152, 153.

Мы с неохотой отнеслись к просьбе санинструктора, но отказать ему не посмели. Обстреливаемый участок проползли благополучно. Стены сарая выложены из крупного камня-известняка. Пуля их не возьмет: С минометов и пушек по тому месту, где стоял сарай, немцы огня не вели. Слишком близко он находился у подножья высоты. мины и снаряды попадали по своим траншеям.

В случае атаки или попытки немцев захватить сарай, пулеметчики обязались помочь нам фланкирующим огнем.

Пробили отверстия в стене, такие, что через них можно целиться из снайперской винтовки. Видимый участок оказался небольшим; но как раз напротив двух дзотов. Окна дзотов пронизывались лучами восходящего солнца, и когда амбразура их заслонялась, мы точно знали, что кто-то из фашистов смотрит или целится.

Первым произвел выстрел Алеша Адров. Убил он или нет немца, но нас быстро засекли и началась самая настоящая дуэль. Как только темнело в амбразурах, мы незамедлительно стреляли и получали в ответ пулю.

Риск! На Миус-фронте он был частым. Перезаряжая винтовку, на мгновение отклонился вправо, и в мою амбразуру влетела пуля и с треском разорвалась, ударившись в противоположную стену, что было бы одну-две минуты назад? В ответ прозвучал выстрел снайпера Хромова. В траншее мелькают каски. Очевидно, санитары оказывают помощь своим собратьям. Но какая может быть помощь после попадания в голову.

— Дайте мне стрелнуть, — в нетерпении просит Геркушенко.

Выстрелить Геркушенко не успевает. Фашистская пуля попадает в край окошечка в стене и засыпает ему брызгами от камня лицо. Он падает на землю и закрывает рукавом лицо.

— Ой, очи мои!.. Они повыбивали мне очи... Я ничего не бачу!

Не он нам, а мы оказываем первую помощь санинструктору. Промываем глаза водой из фляги.

— Вижу! — восклицает обрадованно Геркушенко, — пылью запорошило.

— Хорошо, что не пулей. — с иронией произносит Алеша Адров.

Геркушенко не сдается.

— Ну, погодь, фриц проклятый. Я это так не оставлю. Зуб за зуб, око за око... Дайте мне снайперку.

Санинструктор Геркушенко был родом откуда-то из Украины. Находился на кадровой службе. Где-то недалеко от границы в 41-м году ему осколком перебило левую руку и он не раз нам показывал длинный лиловатый рубец — след ранения.

Оба дзота мы подавили своим огнем. Никто из немцев не рисковал больше стрелять оттуда. Но фашисты пошли на хитрость: стали стрелять зажигательными пулями по стропилам и сухим доскам крыши сарая из дзотов, которые нам не были видны. На чердаке хранилось сено. Как только затлели доски, вспыхнуло сено и все это живо превратилось в огромный факел. Тушить огонь нечем, горящие головешки и огненные клочки сена стали падать нам на головы. Оставаться в сарае дальше было опасно.

Продолжение следует.

ЗАПИСКИ СНАЙПЕРА

Продолжение. Нач. в №№ 145, 148, 149, 151, 152.

— Ага! — воскликнул обрадованно снайпер Хромов. — Стреляют из амбразуры. Вот откуда.

Окно амбразуры то темнело, то вдруг светлело.

— Еще, — просит знаками снайпер Хромов.

Гремит выстрел. Чучело появляется над бруствером. В амбразуре потемнело. Снайпер Хромов тщательно целится. Указательный палец плавно жмет на спусковой крючок.

Трудно попасть в амбразуру с одного выстрела. Трудно, но надо. Выстрел Хромова опережает выстрел врага. В амбразуре медленно светлело. Фашистский стрелок медленно скатился на дно дзота убитым. Две пули цокнули рядом с головой Хромова, обдав его пылью. «Ага, заметили, сволочи, придется сменить позицию», — решил снайпер.

Тоиск фашиста на фронте называли «охотой». И как охотник радовался каждому убитому зверю, каждый из нас радовался убитому фашисту.

Второй батальон ночью перебросили в район хутора Демидовка и Копани, что левее и напротив Матвеева Кургана. Как и там, так и здесь оборона противника проходит по самым высотам, по западному берегу Миуса, только в одном месте, где оборону заняла 5 рота и один взвод 4 роты, высота была в наших руках. Возвышенность испещрена балками и оврагами. По восточному берегу реки небольшой лесок, сады, посадки. Здесь упрятаны наши обозы и штаб батальона.

Местность еще нами не изучена. Ее надо, как говорят настоящие воины, обжить, по-настоящему «обнюхать», а потом начинать действовать.

Каждый из нас детально изучал передний край. Через три дня снайперы знали, где и сколько дотов, дзотов, стрелковых ячеек, какая и где складка местности, каждый новый буторок нарытой земли привлекает наше снайперское внимание и тщательно просматривается в оптический прицел. Не ускользало из внимания ничто: ни вновь отрываемая по ночам ячейка в траншеях, ни выброшенная за бруствер консервная банка, ни проблеснувшая трубка окопного перископа.

Однажды в утреннее время, мы, снайперы, по обыкновению наблюдали за обороной противника. Вдруг замечаем буторок, будто на земле фурункул вскочил. Заметили и то, что этот «чиряк» хитро припорошен сухой травой, а в боку его, обращенной в нашу сторону, зияет черная дырка. Подозрительный буторок вдавался в нейтральную зону довольно далеко от линии немецких траншей. Различали мы и идущий к нему, затянутый маскировочной сеткой ход сообщения. Взрыхленная почва с трудом, но все-таки просматривалась сквозь бредневую сетку. Холмик «чиряк» был не что иное, как замаскированная огневая точка, с которой огонь, наверняка, будет открываться только в критическую минуту боя.

— Опасный нарыв на земле, — заметил Алеша Адров. — Надо сообщить о нем артиллеристам.

Задача снайпера не только в том заключается, чтобы лично убить фашиста, но и разведать и своевременно сообщить о замеченных огневых точках. Передаем координаты через командира роты артиллеристам.

Через час артиллерийские снаряды сравнивают огневую точку врага с землей.

РИСК ЗА РИСКОМ

В начале мая 1943 года на базе двух отдельных стрелковых бригад 159-й и 156-й образовалась 130 стрелковая дивизия. 528 стрелковым полком ее стал командовать комбриг 159 ОСБ подполковник М. И. Дубровин.

Этот месяц на Миусе памятен тем, что в один из майских дней меня вызвал командир полка и вручил орден «Красной Звезды». Привинчивая орден к гимнастерке, сказал:

— И хотя дел в полку по горло, ты у меня снайпер на особом учете. Бей гадов беспощадно. Доведи счет до ста, к высшей награде представлю.

Слова командира полка вдохновляют меня. Возвращались на передовую вместе с Сашей Украинским, который за бой в Батайске получил также орден «Красной Звезды». Через час были в своем доме, — длинной траншее с ячейками для стрелков и принимали теплые поздравления стрелков. Потянулись дни окопной жизни, полные тревог и опасностей.

Как-то на рассвете вместе со снайперами Алешей Адровым, Павлом Хромовым, получив «добро» Похитона, решили пробраться на нейтральную полосу, где стоял полуразрушенный сарай. За нами увязался санинструктор Геркушенко.

— Хочу за фрицами поохотиться. Да и опять же вам подмога. Ранят кого — окажу первую помощь.

Продолжение следует.

ЗАПИСКИ СНАЙПЕРА

Продолжение Начало в №№ 145, 148, 149, 151.

БОИ ВЕДУТ СНАЙПЕРЫ

На Миусе, когда наши войска перешли к длительной обороне, снайперы собрались на Всеармейский слет. Начальник политотдела 28 й армии призвал нас увеличить активность в уничтожении гитлеровских солдат и офицеров. Стрелять, как Чечиков. Бить врага по-чечиковски!

В обращении участников слета, оубликованном в газете «Красное Знамя», говорилось: «Снайпер комсомолец гвардии красноармеец Чечиков за период последних боев истребил 148 немецких оккупантов.

Призываем всех бойцов наших частей в совершенстве овладеть мастерством меткой стрельбы, беспощадней уничтожать гитлеровских бандитов».

Вскоре количество снайперов значительно увеличилось. Достойный пример показал комсомолец Чечиков. Он сравнительно быстро научил рядового Луканова и других воинов части метко стрелять из засад.

Однажды Чечиков вышел с Лукановым на «охоту». Рассветло. Услышав рокот двигателя, солдаты насторожились. Вот гитлеровец подъехал на мотоцикле к блиндажу и юркнул в ход сообщения. В этот момент Луканов хотел выстрелить.

— Стой, — шепотом предупредил Чечиков. — Ты опоздал, промажешь. Наблюдай внимательнее: фашист скоро выйдет из блиндажа.

Так оно и получилось. Спустя несколько минут, связной вылез из траншеи. Подошел к мотоциклу и стал, не торопясь, запустить двигатель.

— Стреляй, — подал знак Чечиков.

Луканов плавно нажал на спусковой крючок. Фашист рухнул на землю.

Вскоре гвардии красноармеец Луканов стал самостоятельно ходить на «охоту» за гитлеровцами вместе с напарником солдатом Рахмановым.

За боевые подвиги комсомолец Чечиков удостоился ордена Красного Знамени и других высоких наград. Многих своих товарищей по оружию он научил нелегкому искусству истребления живой силы противника.

Иметь такой счет, какой был у снайпера Дмитрия Чечикова, мне казалось недостижимым. И все-таки счет мой рос.

Снайперское оружие — грозное оружие. В руках искусного стрелка — оно неотразимая смерть для врага. «Миус-фронт» давал тому массу доказательств.

Учитывая это, старший лейтенант Туз приказал создать команду снайперов и обучить их снайперской стрельбе. Инициатива старшего лейтенанта Туз И. К. была горячо поддержана всеми коммунистами и комсомольцами. Командиры принялись подбирать стрелков.

В группу, кроме ефрейтора Хромова, входили ефрейтор Алеша Адров, прибывший из санроты, ефрейтор Бажанов Егор, азербайджанец рядовой Мамедов, рядовые Петрищев, Клименко. Всего 9 человек. И каждый из них — комсомолец.

По утрам вводил своих будущих снайперов в лесок, спускался к воде, где был крутой берег реки и где никто нас не мог без надобности потревожить, и начинал делиться своим опытом и знаниями. Припоминал все, чему учил и что поучительного говорил начальник бригадной школы снайперов лейтенант Штанов.

— Хорошо замаскируешься, себя спасешь и врага убьешь, — повторил я не раз слышанное. — Демаскируешь себя — себя и погубишь.

Не забыл (и не однажды) напомнить и про пословицы: «Торопливость делу вредит». «Есть терпение, будет и умение». Пробовал с учениками своей «школы» стрелять в ничтожно малую цель — пятак, в дно консервной банки. Постоянно следил за газетами. Выискивал, что нового сообщалось о снайперах Чечикове, Милашусе, Носове, Бабкине, и читал статьи вслух. Мы тщательно изучали чечиковский метод «кочующей точки», суть которой заключается в том, чтобы снайпер имел не одно, а несколько снайперских гнезд и периодически вел из них огонь в разной очередности, создавая впечатления для врага в том, что стреляет не один, а несколько снайперов. Почувствовав свои силы, мы с разрешения старшего лейтенанта Туз, стали выходить на «охоту». От разведчиков стало известно: против нас в обороне стоит 16-я мотодивизия, значительно пополненная резервами.

— Опять «бурый медведь» на прицеле, — высказался вслух.

— Уже не та походка у медведя. Из берлоги носа не кажет. Шкуру свою бережет, — замечает Хромов.

— Придется его выманывать из берлоги.

— А как?

— Этот вопрос решим сами.

Охотиться стали сообща. Начали с того, что один из нас стрелял просто с бруствера, сознательно обнаруживая себя поднятой выстрелом пылью. В это место выставлялось чучело — обрубок дерева с одетой на него каской. Чучело шевелил Мамедов. Хромов, Адров и Петрищев втроем наблюдали за траншеями противника.

Звучит выстрел. Мамедов выставляет чучело. Пули шелкают по брустверу над головой Мамедова.

ЗАПИСКИ СНАЙПЕРА

Продолжение. Начало в №№ 145, 148, 149.

Приползаю к разведчикам, которые вот уже неделю, как изучают оборону врага. Нахожу Ваню Гурова. Спрашиваю: знает ли он о немецком снайпере? И тут же слышу быстрый ответ:

— Будь он проклят, этот снайпер! Жизни от него никакой. Наблюдать не дает, гад. А вчера одного нашего разведчика ранил. — Ваня неопределенно показывает место, откуда стреляет снайпер. Его предположения совпадают с моими. На прощанье Ваня шутливым тоном предупреждает:

— Не высовывайся без надобности. Пожалей свою буйную головушку, иначе в ней дырку придется штопать.

— Посмотрим, у кого из нас вперед будет эта дырка: у него или у меня, — отвечаю я серьезно, без бравады, на реплику своего друга-разведчика.

На другой день выбрал подходящее место и замаскировал его, продолжаю изучать передний край врага. Солнце по-прежнему щедро освещает высоту. Из поля зрения не ускользает ни одна деталь. На скате возвышенности тринадцать кустиков. У одного из них виднеется нарытый грунт и консервная банка. Нет. Это не снайперская точка. Разве умный снайпер станет возле себя разбрасывать демаскирующие его местопребывание детали. Скорее всего это ложное гнездо. Недалеко от наших траншей вьются мины: одна, вторая... третья с равными интервалами. В промежутке разрывов слышатся два сухих выстрела. Впоследствии стало известно, одним из них был ранен в руку боец-казах Джалдасбеков, прибывший совсем недавно в роту. Замечаю, как в самой низине небольшого кустика потемнело, словно кто его прикрыл изнутри серой загнушкой. Вспоминаю поучения лейтенанта Штанова: каждый темный куст бери на подозрение и следи зорко — там может быть вражеский снайпер.

Еле заметно мелькнул солнечный зайчик. «Стоп, — произношу вслух. — Он, немецкий снайпер!». сердце замирает от

радостной догадки. Ругаю себя, что ранее не заподозрил этот кустик. А он действительно чем-то отличается от других. Различаю идущую от куста малозаметную траншейку. Куда она уходит? Никуда. Стало быть снайпер на рассвете приползает сюда по скату высоты. Рискованный фашист!.. А траншейка ни что иное, как простой ход к туалету.

Ползу к Семену Марчукову и убеждаю его через тридцать минут открыть огонь из пулемета, но так, чтобы без риска для себя. Еще раз проверяю расстояние, протираю оптику. Тридцать минут кажутся вечностью. «Ну что же они там не стреляют. Струсили, что ли?» — ругаю в душе пулеметчиков за их медлительность. Но вот четко и длинно застрочил «максим». Пули стали исполнять свой боевой танец на траншее врага. Этого не вижу, а представляю себе мысленно. Все внимание акцентирую к секретной точке немецкого снайпера. И тут замечаю, что куст, словно живой, зашевелился и подвинулся влево. Показалась фигура фашиста в маскхалате и патиистой каске. Мой ответный выстрел почти слился с вражеским. Есть!..

Бегу к командиру роты и натыкаюсь на него в траншее.

— Посмотрите на куст. Вот туда... Я убил фашистского снайпера.

— Осторожно. Пригни голову, — слышу недоверчивый ответ.

— Не бойтесь. Смотрите, я убил его!..

Старший лейтенант Похитон опасливо осматривает в бинокль куст и замечает осиротевшую винтовку гитлеровского суперстрелка.

— Будем считать, что всем нам крупно повезло, — скрытая радость произнес Похитон и пошел к телефону докладывать об этом важном событии комбату.

— А это сучье гнездо вдобавок с землей сравняю, — в сердцах проговорил старший лейтенант Похитон и сообщил координаты «секретного куста» минометчикам. Те не замедлили открыть огонь. Маскировка взлетела в воздух. Взрывной волной отшвырнуло прочь снайперскую винтовку, и она теперь лежит на виду всех ненужным и совсем неопасным предметом.

Этот день для меня был самым памятным — меня приняли кандидатом в члены ВКП(б).

(Продолжение следует.)

П. Беляков

ЗАПИСКИ СНАЙПЕРА

Продолжение. Начало в №№ 145, 148.

На этот раз в глазах солдат-пулеметчиков не вижу упрека, а все заметно удивлены просьбе. Рискованно стрелять!

— Убьет, кто отвечать будет? — не в шутку спрашивает Семен.

— Семи смертям не бывать, а одной не миновать.

Семен с неохотой уступает место у пулемета. Я знаю, «максим» наведен точно по кромке бруствера вражеской траншеи. Работает, как часы. Верно, ни один фашист ушел на тот свет от его метких очередей. Берусь за затыльник. Жму на гашетку и вижу, как пляшут фонтанчики от пуль по самой траншее. И вдруг резкий щелчок в щитке. Осторожно осматриваю щиток и вижу в двух сантиметрах от окна след от пули.

— Да, это стреляет снайпер. — уверенно заключаю я, а у самого холодок по спине не проходит. Еще бы! В двух сантиметрах от смерти был.

Берусь выследить фашистского снайпера и уничтожить, о чем докладываю командиру роты старшему лейтенанту Похитону.

— Смотри сам не попадись на мушку, — предупреждает хмуро старший лейтенант Похитон, не очень любивший всякие риски, но разрешает выползти за окоп на нейтральную полосу и сам предупредил об этом всех наблюдателей.

«Следить за ним надо ранним утром, когда солнце освещает высоту, и когда лучи наверняка слепят глаза фашистам», — размышляю про себя и провожу ночь в каком-то полусне.

День начинается с утра, и оно было в этот день прекрасным. Приятно пригревало солнце. Оттаявшая земля начала парить, и молочного цвета дымок потянулся в небо. Прижимаясь к земле, как уж выползаю за бруствер, чтобы быть поближе к обороне врага. Ползу по высокому бурьяну, почти у самого берега реки. Солнце все более пригревает. Камуфляжная плащ-палатка путается под ногами и злит. Наталкиваюсь на подснежник. Любуюсь и никак не налюбуюсь им. Мне кажется, что он приветливо мигает и куда-то заманивает. Стало душновато. Хочу развязать петельки у шапки-ушанки и завернуть ее. Вдруг слышу выстрел и чувствую, как кто-то грубо дергает за верх шапки, словно намереваясь сбросить ее.

«Снайпер выстрелил в меня», — искрой проносится в голове, и я мгновенно переворачиваюсь и кубарем качусь к реке, и падаю с обрыва в прибрежный ил.

Ощупываю голову. Жив!.. Рассматриваю пробойну в шапке. Судьбу решили миллиметры.

«Вот это выстрел!» — облегченно вздыхаю и затравленно озираюсь от жгучей обиды, от мысли, что был совсем на волоске от смерти и от кого? От снайпера, которого добровольно вызвался уничтожить. Во рту долго сушит от волнения. Становится ясно, что умереть сейчас, когда все пробуждается к жизни, противоестественно и нелепо. Но вот волнение постепенно проходит. Раздумываю, как действовать дальше. Говорят, плохое не бывает без хорошего. Первое соприкосновение с немецким снайпером окончательно убедило меня в том, что снайпер ведет огонь не из общей траншеи, а значительно ниже и ближе.

(Продолжение следует).

ЗАПИСКИ СНАЙПЕРА

Продолжение. Начало в № 145.

— В обороне большая роль отводится снайперам, — начал Туз. — По опыту знаю, траншеи в полный рост не везде открываются. По разным причинам: по халатности, командир недоглядел. К тому же рост не у всех одинаковый, и поэтому в траншеях есть места, когда видно голову проходящего. Надо тщательно изучить траншею врага и охотиться за фашистами именно на таких местах. Бывает, одному лень пригнуться, другой по пьянке не пригибается, третий бравирует своей смелостью. Всех их ловить на мушку!

Мы внимательно слушали Туза. Действовать в обороне приходилось впервые, но задача ясна: бить фашистов при любом удобном случае.

— Сейчас всем спать, — приказал Туз. — На рассвете на охоту. Ни один фриц не должен безнаказанно смотреть в нашу сторону. Будьте хозяевами земли.

Утро встретило бойцов удивительной тишиной. Никто не стрелял. Ночной мрак медленно, но неотвратно сменялся дневным светом. Проснувшись, огляделись вокруг. Никто не спал. Пулеметчики готовились к стрельбе. Стрелки маскировали валежником и сухой травой нарытый грунт. Два дюжих бойца в касках прилаживали противотанковое ружье. Не торопясь, бойцы рассовывали по нишам гранаты, патроны, котелки. Бригада «ушла» в землю, походила на сжатую пружину, упрятанную в траншею, готовую каждую секунду вырваться наружу и ударить по врагу. Все, что увидели мы на рассвете, наполнило нас верой в то, что и при обороне бойцы бригады будут сражаться стойко и умело.

Снял защитный колпачок со снайперского прицела. Неспеша, по одному зарядил пять патронов в магазинную коробку. Кончики пуль у патронов были окрашены в красный цвет с черной полосой: бронебойно-зажигательные.

«Эти не подведут».

Пять патронов ждали своего назначения.

Тишина. Припал и окуляру.

«Вот они — вражеские траншеи... Совсем близко».

Вдали поблескивала каска фашиста, мокрая от утреннего тумана. Видимо, прищелец любовался восходом солнца. Ой, как опасно любоваться зорями на чужой земле! Перекрестье прицела уверенно ложится на фрица. Тишина... Давно не нарушал эту тишину на Миус-реке выстрел русской трехлинейной винтовки. И вот!.. Дернулась, как живая, в руках винтовка. Грох-

нул выстрел, и эхо его троекратно отразили высоты, лес, разрушенные дома. Серо-зеленая фигура фашиста выпрямилась, качнулась влево и рухнула в траншею. За бруствером замелькали каски.

«Зашевелились гады», — прошептал Хромов.

Вскоре послышался еще одиночный выстрел, и там, в траншее, у пулеметной точки, вскинулся руками в небо фашистский подносчик патронов, намеревавшийся положить пулеметную коробку с лентой рядом с собой.

В первые часы фашисты чувствовали себя уверенно. Ходили по траншее во весь рост. Голов не прятали. Выглядывали из-за бруствера. Дежурили у амбразур дотов и дзотов. Смотреть не боялись. А сейчас со свечкой не найти фрица... Впередоскопники посматривают. Смерти боятся. Мы, снайперы, терпеливо, высматривали фашистов и, как только появлялась голова, стреляли...

ТРУДНЫИ ПОЕДИНОК

В марте военные газеты опубликовали статьи о моем поединке с немецким снайпером. Дуэль с фашистским суперстрелком была долгой и опасной и едва не стоила мне жизни.

А было это так. Весна на Миусе была ранней. Быстро зеленели поля. Вода крушила лед в реке и с шумом несла его в Азовское море. А над окопами то и дело раздавалось, наводящее грусть, курлыкание журавлей. Они совершали перелет на большой высоте. Очевидно, журавли, как и люди, понимали, какую опасность таят Миусские лиманы.

В наших траншеях неожиданно поднялась вода, так что каждый солдат нарывал себе островок земли и сидел на нем, как заяц, застигнутый половодьем. Немцам было лучше. Фашистская оборона проходила по ту сторону Миуса, по возвышенности. В такой обстановке долго не усидишь на месте, и я, хлопая по окопной воде, навешал своего друга Семена Марчукова, пулеметный расчет которого был придан четвертой роте и находился на самом обрыве у изгиба реки. Бойцы его расчета моими посещениями оставались чаще всего недовольны. Дело в том, что Семен Марчуков разрешал мне как другу стрелять из пулемета, и бойцы после моего ухода подолгу набивали пустые пулеметные ленты. В один из таких весенних дней пробрался к пулеметной ячейке. Смотрю, «максим» стоит на земляной площадке, тщательно замаскированный сухим бурьяном.

— Стрелять опасно, — предупредил Семен.

— Почему так?

— Снайпер бьет. Хитрый сволочь. Молчит, и он молчит. Стрелять начнем и тут тебе — раз!.. От щитка только брызги летят.

— Значит, под звук работает.

— Не определим никак, откуда стреляет. Но бьет здорово! Ничего не скажешь.

— Разреши пару очередей дать.

(Продолжение следует).

ЗАПИСКИ СНАЙПЕРА

Боевым действиям советских войск в годы Великой Отечественной войны на берегах реки Миус посвящено немало книг, воспоминаний фронтовиков. Некоторые из них наша газета уже печатала.

Однако большинство подобных материалов рисует картину освобождения Примиусья от немецко-фашистских захватчиков, акцентируя внимание на прорыве гитлеровского Миус-фронта. Между тем здесь длительное время советские войска находились в обороне, накапливая силы для решающего удара, и одновременно ведя активные боевые операции. Но об этом в соответствующей литературе повествуется весьма скупо.

Вот почему нам кажется, что воспоминания Петра Алексеевича Белякова, присланные в нашу газету, в некоторой степени восполнят этот пробел и будут интересны читателям «Звезды». В годы войны П. А. Беляков служил в 159-й отдельной стрелковой бригаде, а впоследствии — в 528-м стрелковом полку 130-й стрелковой дивизии. Он сражался под Сталинградом, стал там снайпером. Особенно пригодились бойцу искусство меткой стрельбы в боях на Миусе. Здесь снайперское движение приобрело широкий размах. Всему Южному фронту известны были фамилии снайперов Петра Белякова, Алексея Адрова, Павла Хромова и других. О их боевых делах сообщалось в оперативной сводке Совинформбюро от 7 июля 1943 года. Многие герои получили заслуженные награды Родины, в том числе и П. Беляков.

В настоящее время П. А. Беляков живет в Волгограде. Наша газета начинает печатать отрывки из записок снайпера.

МИУССКИЕ БУДНИ

28-й армии, теперь уже Южного фронта (1 января 1943 г. Сталинградский фронт был преобразован в Южный), приказано занять оборону на берегу реки Миус правее Матвеева Кургана. Оборона на Миусе была сложной. Обрывистый правый берег реки господствовал над левым, и это давало возможность фашистам, а они повсеместно занимали позиции по высотам, организовывать хорошее наблюдение. По всему переднему краю «Миус-фронта», так гитлеровское командование окрестило оборонительный рубеж на Миусе, была вырыта сплошная линия траншей, а впереди нее созданы ячейки для стрелков, пулеметчиков, снайперов... Повсюду ходы сообщений.

Из рассказов Вани Гурова и других разведчиков нам стало известно, что война с фашистами в обороне на этом участке фронта имеет свои законы, свои особенности и свои приметы. За тобой следят сотни глаз из щелей дотов, железобетонных колпаков, дзотов и еще черт знает из каких других сооружений, построенных гитлеровцами здесь в великом множестве. Местность везде пристреляна. Есть и секретные снайперские точки. Нужны особая осторожность и внимание. Командование 159-й бригады выехало в район поселка Александровки. В том месте бригаде приказано закрепиться, зарыться в землю и ждать. 2-й батальон во главе с 4-й ротой скрытно пробирается на свой участок. Вед батальон новый командир капитан П. Горлов — коммунист, офицер из запаса. Старший лейтенант Туз, ему присвоено очередное звание, стал начальником штаба батальона, а командовать 4-й ротой приказано старшему лейтенанту Похитину — кадровому офицеру. Привыкнув к Тузу, я сильно переживал его уход на новую должность. Но Туз часто бывал в роте и обязательно интересовался мной, моими военными делами. Вот и сейчас Туз в роте и по его приказанию мы прибыли к нему со снайпером Павлом Хромовым.

Комсомолец Павел Хромов — мой сверстник, юноша невысокого роста, с цепким взглядом карих глаз. В роту он прибыл совсем недавно из госпиталя по случаю выздоровления. Я с ним быстро сдружился. Мне нравилось, что Павел Хромов чем-то походил на моего друга Павлика Дронова, метко стрелял и имел на боевом счету семь убитых гитлеровцев в боях за Ростов. Бывалый воин записан у меня на комсомольском учете самым последним в списке, и он в шутку говорил друзьям:

— Посмотрим, кто из нас будет последним.

Как комсорг, я нередко давал Хромову поручения, и он относился к их выполнению добросовестно.

Когда мы доложили о своем приходе, лейтенант Туз повел нас на обрыв, где можно было говорить громче и чувствовать себя свободнее.

(Продолжение следует).